

Психология. Умк. Вспомогательный раздел. Хрестоматия. Память. Разноуровневые задания.

Задания

Уровень 1 (до 6 баллов).

1. Прочитайте отрывок из работы классика психологии Эббингауза.
2. Сформулируйте 10 вопросов, раскрывающих содержание темы.

Уровень 2 (до 8 баллов).

3. Рассмотрите репродукции картин Рембрандта.
4. Прочитайте отрывок из публикации В. Степана «Мой Рембрандт».
5. Ответьте по памяти на вопрос, сколько персонажей изображено на каждой репродукции? Проверьте себя и сделайте вывод о том, что влияет на успешность запоминания?
6. Ответьте по памяти на вопрос, что вспоминается герою публикации В. Степана, как это происходит и почему?

Уровень 3 (до 10 баллов).

7. Как бы ответил на вопросы 5 и 6 Эббингауз?
8. Подготовьте фрагмент урока (учебное задание, инструкция для детей, организация условий восприятия учебного материала) с учетом тех видов ассоциаций (по сходству, по противоположности, по смежности в пространстве и времени), которые описаны Эббингаузом.

1. Источник: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти' \Под редакцией Гиппенрейтер Ю.Б., Романова В.Я. - Москва: Издательство Московского университета, 1979 - с.272

<http://psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000056/st007.shtml><http://psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000056/st007.shtml> Г. Эббингауз Образование ассоциации (узнавание и заучивание)

Общий закон ассоциации. Вы начинаете в присутствии другого человека декламировать: "Кто скачет, кто мчится", и он продолжает: "под хладною мглой". Вы спрашиваете его: "7X9?", и он, не задумываясь, отвечает: "63". Вы встречаете человека, и вам приходит на мысль его имя, хотя никто не произносил его. Или вы видите плод и думаете о его вкусе, хотя вы даже и не прикоснулись к нему. Запах дегтя пробуждает представления о кораблях и морском путешествии, запах карболки - о больницах и операциях. Что во всех таких случаях происходит?

Вы неоднократно слышали все стихотворение, вы неоднократно имели вкусовые впечатления плода непосредственно вслед за зрительным его впечатлением; происходило это вследствие объективных причин, которые этим впечатлениям соответствуют. И вот в настоящее время одна часть этих причин снова воздействует на душу и вызывает соответствующие

впечатления, а остальные причины отсутствуют; тем не менее, действия и этих отсутствующих причин вступают в сознание, по крайней мере, как представления отсутствующих причин. И вообще если какие-либо душевные образования когда-нибудь заполняли сознание одновременно или в близкой последовательности, то впоследствии повторение одних членов этого прежнего переживания вызывает представления и остальных членов, хотя бы первоначальные причины их и отсутствовали.

Общая способность души к этой работе называется памятью. Для самого факта возрождения прежних переживаний наша обыденная речь не выработала одного общего названия, а выработала такое название лишь для одного случая, имеющего на практике особо важное значение. Если какие-нибудь психические содержания, существовавшие когда-либо у человека и возрождающиеся теперь как представления, сопровождаются вместе с тем и сознанием того, что они некогда уже переживались, а может быть и представлениями о тех или других побочных обстоятельствах, то такой процесс называется воспоминанием.

Еще чаще, однако, научная терминология пользуется другим словом, которое, подобно памяти, имеет своим источником стремление заимствовать название явления от предполагаемой его причины. Сама собой напрашивается, без сомнения, мысль - объяснять воспроизведение душевных образований, пережитых некогда вместе, тем, что эти образования вступили в тесную связь между собой и теперь настолько между собой внутренне связаны, что одно из них всегда влечет за собой другое.

Вот эта мысленная связь и называется ассоциацией. Душевные образования называются ассоциированными, если они когда-либо раньше были пережиты вместе, и существует более или менее основательное допущение, что при существующих условиях они могут вызывать друг друга. Вместе с тем, однако, термин "ассоциация" употребляется еще очень часто и в переносном смысле. Он обозначает не только предполагаемую внутреннюю причину воспроизведения, но и само это воспроизведение, действительное вступление в сознание представлений вследствие мысленной внутренней связи, и в этом значении он у многих авторов почти совершенно вытеснил термин "воспроизведение". Так, например, и сформулированная нами только что закономерность процесса воспроизведения называется обыкновенно законом ассоциации.

Когда ребенок учится читать, он запоминает в связи с определенными печатными знаками определенные звуки и комбинации звуков. Впоследствии он с наибольшей уверенностью воспроизведет эти звуки, если перед ним будут вполне те же знаки, но в большинстве случаев он воспроизведет их и в том случае, если они будут немного больше или меньше, если шрифт будет другой или даже если они будут снабжены какими-нибудь украшениями.

Подобным же образом ребенок, выучив название собаки, применяет его и к кошкам, и к другим четвероногим, применяет название мухи и к комарам, и к воробьям.

Когда на улицах появляются елки, и вы начинаете закупать всевозможные вещи к праздникам, вы вспоминаете рождественские праздники прошлых лет; совершая какое-нибудь путешествие, вы вспоминаете переживания прошлых путешествий, хотя конкретные впечатления, представления, намерения, которыми вы одушевлены, вряд ли когда-либо точно совпадают с теми, которые были у вас раньше.

Традиционное учение о внутренней связи, об ассоциации представлений и основанного на этой связи явления пробуждения их может с первого взгляда показаться гораздо более широким. Оно утверждает, что поток представлений регулируется четырьмя различными принципами: совершается переход от существующих в настоящий момент переживаний - 1) к представлениям сходным, 2) к представлениям противоположного содержания, 3) к содержаниям, которые ранее когда-то были пространственно связаны с существующими в данный момент впечатлениями, и 4) к содержаниям, которые существовали одновременно с ними. Это учение признает, следовательно, четыре закона ассоциаций: по сходству, по контрасту, по пространственному сосуществованию и по временной связи.

2.

Рис.1 Возвращение блудного сына.



Рис.2 Святое семейство



3. Источник: Личное с Владимиром Степаном // Советская Белоруссия. 17 мая 2017.

Мой Рембрандт

Когда-то давно (а кажется, совсем недавно!) был я подростком. Только-только приехал в Минск и учился на первом курсе художественного училища (знаменитой Глебовки). Вот тогда, холодной весной 1974 года, я купил у незнакомого пьяницы альбом рисунков Рембрандта Харменса ван Рейна. Книга та была издана в Лейпциге и как-то попала в Минск. Полагаю, чудесным образом. Продавец страдал от жажды, ему нестерпимо хотелось выпить. Так сильно хотелось, что он решил расстаться с книгой. Принес альбом в магазин букинистической книги, там сегодня продают обувь, но магазин оказался закрытым. Тут ему и подвернулся студент. Он показал мне альбом, сомневаясь в моих финансовых возможностях, вытащив его дрожащими руками из грязной торбочки. У меня дух перехватило — без преувеличения. Оценив выражение моего лица, он заломил немислимую цену. Денег у меня было мало, а до стипендии оставалось еще больше недели. Мы яростно торговались. Я отдал все, что имел, даже копейки выгреб из всех карманов. Заплатил за альбом 17 рублей и пошел пешком по холодному проспекту. Книга грела.

Потом сидел на кровати в общежитии и ночь переворачивал страницу за страницей, рассматривал рисунки тушью, пером и карандашом, пробовал читать подписи, и даже иногда удавалось понять некоторые слова. Чтобы рассмотреть получше, взял у приятеля

увеличительное стекло от эпидиоскопа (были такие приборы). Медленно двигал тяжелой линзой по рисункам, следя за линиями и штрихами великого художника.

Как-то с помощью друзей по комнате и однокурсников продержался до возжеленной стипендии. Может, и похудел, но меня это не очень волновало — молодость она такая, все нипочем... Главное — превосходный альбом, изданный в недостижимом Лейпциге.

Главное — рисунки Рембрандта...

Потом я много раз видел в Ленинграде и Москве, в Эрмитаже и Пушкинском, знаменитые картины: «Возвращение блудного сына», «Данаю», портреты стариков и старух, великолепные мрачные и веселые автопортреты. Видел еще десятки, а может, и сотни книг, открыток, репродукций с работами голландского мастера. Но всегда перед глазами возникал наш Ленинский проспект, подворотня, подъезд дома, где произошла покупка той, на тот момент самой дорогой, как в прямом, так и в переносном смысле, книги. Да, это важно, хоть мне и было всего шестнадцать, я понимал, что за границу не попаду никогда, ну, может, только во сне да в фантазиях. И, естественно, оригиналы рисунков и офортов Рембрандта, как и других великих художников, не увижу.

Но все течет и меняется. Железного занавеса давным-давно не существует, он рассыпался в прах. Хочешь — лети, поезжай, плыви в любую сторону света, смотри, изучай, любуйся. Только и надо что деньги и желание.

Я так долго рассказывал о прошлом, чтобы перейти к дню сегодняшнему, к самому главному, для чего и пишу колонку. Согласитесь, фотография очень похожа на человека.

По снимку даже можно его узнать. Но ведь оригинал всегда лучше даже хорошей фотографии. Оригинал — живой, говорит, молчит, улыбается, хмурится, подмигивает. Множество эмоций. Так вот, сегодня в Минске, в Национальном художественном музее, выставлено 69 офортов великого Рембрандта. Они висят себе на четырех стенах большого зала, а лица зрителей отражаются в стекле.

Мы с женой дважды сходили на эту выставку. Первый раз поохали, а в следующий вооружились увеличительными стеклами. Ходили, как оценщики-антиквары, придирчиво рассматривая каждый офорт. Большинство работ невелики, размером с почтовую открытку, а хочется рассмотреть внимательно, изучая каждый штрих, каждое пятнышко, надписи, отпечатки пальцев художника. Я не постеснялся, фотографировал самые интересные, а потом дома, на компьютере, увеличивал и наслаждался...

Да, я видел эти офорты раньше в книгах, но тут оригиналы, а это совсем другая история.

Портреты, знаменитые сюжеты из Библии... «Снятие с креста», «Бегство в Египет»...

Удивительные работы! Уходить из зала не хочется. К некоторым работам возвращаешься и словно проваливаешься в изображение. Думаешь, как так получается — черные линии пересекаются, сплетаются, получаются фигуры, небо, тьма и свет... Получаются рассказы о самом главном в жизни человека... Вернулись домой, и я достал из шкафа своего Рембрандта. Перелистал, молодость вспомнил.

ladzimir@tut.by